

Босния и Герцеговина, ЕС и НАТО

П.Е. Кандель

В статье анализируются возможности и перспективы вступления Боснии и Герцеговины (БиГ) в ЕС и НАТО в контексте внутривнутриполитической борьбы в стране и глубокого раскола между основными этническими группами. Ослабление поддержки Республики Сербской со стороны Белграда побуждало ее лидеров к постоянному лавированию и вынужденным компромиссам. Но западные попытки навязать БиГ централизованное устройство способны лишь вызвать рост напряженности. Эту страну еще можно вообразить государством, подобным Бельгии, но переделывать ее в нечто, схожее с Францией, не удастся.

История БиГ последних двадцати лет создала довольно противоречивые предпосылки для ее участия в процессе, названном “европейской и евроатлантической интеграцией”. Роль США, НАТО и ЕС в ее судьбе трудно переоценить. Они играли важнейшую роль в развитии событий с момента провозглашения независимости и до конца гражданской войны, в значительной степени предрешив ее исход. После подписания Дейтонского мира, воссоздавшего это государство в форме аморфной конфедерации, находящейся под международным протекторатом, миротворческие силы под командованием НАТО стали его вооруженным гарантом, в 2004 г. передав эти функции ЕС. Сам же Европейский Союз оказался крупнейшим экономическим донором разоренной войной страны, а со временем - и ее первым торговым партнером и инвестором.

Европейские политики, находясь на посту Высокого представителя международного сообщества в БиГ, наделенного поистине диктаторскими полномочиями, самым активным образом влияли на ее политическую жизнь и государственное строительство. Вместе с тем, пристрастная позиция, которую НАТО и государства ЕС занимали во время гражданской войны и “принуждения к миру”, и в послевоенном развитии, выступая фактическим союзником босняков-мусульман и хорватов и противником сербов, должна была вызывать среди населения неоднозначное отно-

шение. Опросы общественного мнения регулярно подтверждают такие различия. Для босняков-мусульман и хорватов стремление в евроатлантические структуры, бывшие и прежде их покровителями, выглядело естественным. У боснийских сербов было немало оснований относиться к этому, по меньшей мере, настороженно. Между тем, с начала 2000-х гг. курс на “евроатлантическую интеграцию” был поддержан не только властями босняcko-хорватской Федерации, но и Республики Сербской, хотя сербы по-разному относятся к вступлению в ЕС и в НАТО.

В 1998 г. на общегосударственном уровне была принята Декларация об особых отношениях с ЕС, на следующий год – резолюция Парламентской ассамблеи БиГ и Заявление руководителей основных политических партий. В 2003 г. Парламентская ассамблея БиГ приняла резолюцию, где констатировалось полное политическое согласие, что наивысшим внешнеполитическим приоритетом является вступление страны в ЕС.¹

В том же году и Президиум БиГ – коллективный глава государства, - обнародовал документ “Общие направления и приоритеты внешней политики БиГ”, где одним из приоритетов названо “включение БиГ в евроатлантические интеграционные процессы”. Указывалось, что “достижение Соглашения о стабилизации и ассоциации с ЕС, а затем и полное его осуществление, должны существенно способствовать включению БиГ в

■ Международные отношения

европейские интеграционные процессы”. Более осторожно была определена перспектива отношений с НАТО: “Развитие отношений с евроатлантическими структурами безопасности, конечной целью которых является институционализация отношений с НАТО, будет направлено в первую очередь на включение БиГ в программу “Партнерство ради мира”.² Но уже в 2005 г. и Народная Скупщина Республики Сербской в “Декларации о стратегических целях РС в системе обороны БиГ” называет таковыми демилитаризацию страны и одновременно - скорейшее вступление в политическую организацию Североатлантического альянса.³

Краткая хроника отношений ЕС и БиГ показывает настойчивые усилия Евросоюза по усилению своего влияния в этом государстве. Уже в 1997 г. ЕС предоставляет БиГ преимущества во взаимной торговле, а на следующий год создается двусторонняя Консультативная рабочая группа. В мае 1999 г. ЕС провозглашает «процесс стабилизации и ассоциации для стран Западных Балкан». В июле 1999 г. на конференции в Сараево принимается «Пакт стабильности Юго-Восточной Европы». В марте 2000 г. ЕС обнародует “дорожную карту” для БиГ, в которой перечисляются 18 условий, выполнения которых позволило бы подготовить анализ готовности БиГ к началу переговоров по «Соглашению о стабилизации и ассоциации». В 2000 г. продлевается режим беспошлинного ввоза товаров из БиГ в ЕС и принимается «Программа помощи ЕС в целях обновления, развития и стабилизации» (CARDS), предназначенная Албании, БиГ, СРЮ, Хорватии и Македонии.

В марте 2002 г. ЕС учреждает пост своего специального представителя в БиГ, полномочиями которого наделяется Высокий представитель международного сообщества, и направляет полицейскую миссию, заменившую полицейские силы ООН. В декабре 2002 г. Европейская Комиссия сообщает, что условия “дорожной карты” в основном выполнены. Однако в ноябре 2003 г. ЕК принимает Отчет о готовности БиГ к началу переговоров по Соглашению о стабилизации и ассоциации, где констатируется неполное исполнение предварительных требований и выдвигается 16 приоритетных целей, которых необходимо достичь для начала переговорного процесса.

В июне 2003 г. саммит ЕС в Салониках подтверждает европейскую перспективу государств Западных Балкан. В июне 2004 г. ЕС учреждает Европейское партнерство для БиГ. В декабре 2004 г. ЕС перенимает от НАТО командование миротворческими силами (EUFOR заменяет SFOR). В октябре 2005 г. ЕК констатирует значительный прогресс в достижении 16 ранее поставленных целей и рекомендует начать переговорный процесс 25 декабря того же года. В январе 2007 г. технические переговоры завершены, 4 декабря Соглашение о стабилизации и ассоциации между ЕС и БиГ парафировано, а 16 июня 2008 г. подписано. Одновременно начало действовать временное торговое соглашение. С 1 января 2008 г. вступило

в силу соглашение о реадмиссии и облегченном визовом режиме между ЕС и БиГ. Начат диалог о предоставлении гражданам БиГ права безвизового въезда в страны ЕС, что ожидается к концу 2010 г.

На период 2007-13 гг. ЕК ввела новый финансовый Инструмент по предвступительной помощи странам – кандидатам на вступление (Турции, Хорватии, Македонии) и потенциальным кандидатам (Сербии, Косово, Черногории, Б и Г и Албании), который заменял все прежние программы помощи. Общий объем средств составит 11,468 млрд. евро, из которых БиГ в 2007-2011 гг. может получить 420 млн. евро.

Развивая отношения с НАТО, БиГ 14 декабря 2006 г. присоединилась к программе “Партнерство ради мира” и стала членом Совета евроатлантического партнерства. Поскольку одновременно это сделала и Сербия, декларировавшая свой нейтралитет, то и у властей Республики Сербской не было оснований противиться. Но к самому вступлению в Альянс среди политических сил РС отношение далеко не единодушное. Сербская радикальная партия постоянно и активно выступает против подобной перспективы. Другая ведущая организация оппозиции – Сербская демократическая партия, - настаивает на обязательном волеизъявлении граждан по поводу вступления в НАТО. Правящий Союз независимых социал-демократов, программной целью которого значится демилитаризация страны, вроде бы склонялся к тому, чтобы на потенциальном референдуме гражданам был задан вопрос в следующей формулировке: поддерживают ли они присоединение к НАТО, в то время как Сербия не является его членом? Однако его лидер М. Додик неоднократно заявлял, что он лично за вступление в блок.

Между тем, 4 декабря 2009 г. министры иностранных дел стран НАТО приняли решение предоставить БиГ План действий по подготовке к членству при достижении необходимого прогресса в процессе реформ. На встрече в Таллине 22 апреля 2010 г. они признали значительный прогресс, но отложили принятие Ежегодной национальной программы БиГ до того момента, когда недвижимое имущество оборонного назначения будет зарегистрировано как государственная собственность БиГ, а не входящих в нее образований. Поскольку раздел имущества является предметом спора между Федерацией БиГ и Республикой Сербской, продвижение к НАТО приостановилось.

Важной и принципиальной особенностью европейской и евроатлантической интеграции страны было то, что здесь речь шла не только и не столько о внешнеполитическом выборе или поиске оптимальных форм внешней безопасности. И для самой БиГ, и для организаций, к которым она стремится, эти процессы прямо связывались с характером ее государственного строя и внутренней стабильностью. Вне этого контекста БиГ как таковая – чистый “потребитель безопасности”, – для Североатлантического альянса представляла сом-

нительную ценность. Точно также и ЕС, приняв ее в свои ряды, лишь умножит число своих членов – получателей помощи. Поэтому единственный мотив ее допуска в ЕС и НАТО – стабилизация ситуации внутри страны и на пространстве бывшей Югославии в целом. Для достижения этой цели, по представлениям европейских и заокеанских стратегов, необходимо превратить БиГ – побочный продукт вынужденного внешними обстоятельствами “брака по расчету”, в нормальное “функциональное” государство.

Поэтому каждый шаг по сближению с ЕС и НАТО вынуждал к таким изменениям во внутреннем устройстве БиГ, которые расширяли структуру и компетенции общегосударственных органов, сужая соответственно полномочия входящих в нее образований. Федерация БиГ приветствовала эти шаги, поскольку они отвечали главным целям всех политических сил босняков-мусульман – созданию централизованного государства, где они, как относительное и наиболее быстро растущее большинство, заняли бы доминирующие позиции.

Политические партии боснийских хорватов вели собственную игру, преследуя цель создать хорватское государственное образование. В 2001 г. они даже попытались провозгласить такую автономию – Временное хорватское самоуправление. Реакцией на такое “самоволие” стала отмена автономии решением Высокого представителя и смещение с должностей хорватских представителей в центральных органах БиГ. В 2005 г. появился проект католической Епископской конференции БиГ о таком территориально-политическом переустройстве страны, при котором она состояла бы из многонациональных регионов, где ни один из трех основных народов не насчитывал бы более 40% населения. С другой стороны в конце сентября 2007 г. шесть ведущих хорватских партий страны подписали так называемую Крешевскую декларацию, в которой выступили за федерализацию БиГ посредством создания трех национальных федеральных единиц при особом статусе столицы – города Сараево. В целом хорватские партии придерживаются двоякой тактики в вопросе о государственном устройстве: или хорваты должны обрести, как и сербы, собственное образование, или их следует вообще отменить.

В Республике Сербской централизаторские тенденции воспринимались как ползучая эрозия ее государственного статуса и вызывали ожесточенное сопротивление. Вместе с тем ее руководители в поисках тактических союзников стали проявлять благосклонность к требованиям хорватских партий о собственном образовании, поскольку появление еще одного субъекта закрепляло федеративные принципы организации государства, усиливая тем самым и позиции РС.

Западный курс на централизацию страны формально обосновывался необходимостью создать в БиГ эффективное государство. И с сугубо формальной точки зрения этому доводу нельзя отказать в логике. “Дейтонская” Босния и по своей зафиксированной в конституции нормативной

модели, и по практике ее осуществления, действительно представляла собой крайне нерациональную псевдогосударственную структуру, находящуюся под иностранной опекой и контролем, само функционирование которой обеспечивалось главным образом внешними средствами и усилиями. Но подлинная первопричина такого состояния в том, что боснийские сербы и хорваты оказались в составе этого как бы государства не по своей воле и ни в малейшей степени не были заинтересованы ни в его эффективности, ни в самом его существовании. Кроме того, забота о “функциональном” государстве выглядит довольно лицемерно, поскольку при этом основной помехой видится существование РС, но обычно обходится стороной крайне громоздкая и дорогостоящая трехуровневая организация власти в Федерации БиГ, разделенной на 10 кантонов и 79 общин, в отличие от двухуровневой – в РС, разделенной на 62 общины.

Руководящие органы ЕС и НАТО в иных случаях прямо и буквально обуславливали прогресс БиГ в отношениях с ними совершенно определенными преобразованиями в структуре государства, которые должны были сцементировать его рыхлую конструкцию, в других – такая же общая линия США и ЕС реализовывалась через Администрацию Высокого представителя. Тем не менее, дело неизменно заканчивалось уступками требованиям ЕС и НАТО. Причем, как убедительно показал внимательный наблюдатель боснийской политической жизни С. Дурманович, происходило это вне зависимости от конфигурации политических сил, находившихся у власти в Бания Луке – столице РС в данный момент. И так называемые “реформистские” силы (Союз независимых социал-демократов и Партия демократического прогресса), которым поначалу активно покровительствовали западные протекторы БиГ, и пользующиеся у них репутацией “националистических” (Сербская демократическая партия и Сербская радикальная партия), и Социалистическая партия, слывшая боснийским филиалом аналогичной партии С. Милошевича, внесли свою лепту в этот процесс.⁴

Вначале они согласились на введение общей валюты и паспортов, затем – на создание единой пограничной службы. Далее последовали принятые в 2002 г. по требованию Высокого представителя поправки к конституции Республики Сербской. Из “государства сербского народа и других, проживающих в ней, граждан” она превратилась в “одно из двух равноправных образований”, где “сербы, босняки, хорваты, как конституирующие народы, и остальные граждане, равноправно и без дискриминации участвуют в осуществлении власти в РС”. Поправки учреждали в Народной Скупщине РС в качестве второй палаты Вече народов, а на всех уровнях исполнительной и судебной власти и органов управления вводились квоты пропорционального национального представительства для несербского населения.⁵ Затем было создано общегосударственное управление кос-

■ Международные отношения

венных налогов вместо отдельных таможенных органов образований, аналогичное агентство в области безопасности, проведена военная реформа, завершившаяся созданием единых вооруженных сил, и сходная по цели реформа полиции.

К десятой годовщине Дейтонского мира США и ЕС приурочили новые инициативы по централизации власти в БиГ, вознамерившись осуществить свой замысел в рамках пересмотра конституции. Основные идеи предложенного американцами проекта сводились к следующему: коллективный глава государства – Президиум с поочередно сменяющимися председателями замещается Президентом при двух вице-президентах. Он избирается парламентом, а не гражданами, и его полномочия ограничиваются в основном представительскими функциями. Значительно возрастает роль и компетенции Совета министров и его председателя, более чем вдвое увеличивается число депутатов Палаты представителей Парламентской ассамблеи, но уменьшается роль Палаты народов.

Первая попытка добиться принятия поправок к конституции БиГ, которые расширяли полномочия центральных органов власти, предпринятая в апреле 2006 г., закончилась неудачей из-за отсутствия необходимого большинства в две трети голосов депутатов Парламентской ассамблеи. В ноябре 2008 г. лидеры нескольких ведущих политических партий страны трех национальных общин (босняцкой Партии демократических действий, сербского Союза независимых социал-демократов и Хорватского демократического содружества) начали так называемый Прудский процесс – серию встреч и совместно принятых деклараций с тем, чтобы сдвинуть с мертвой точки процесс конституционных реформ. Однако, даже добившись согласия относительно некоторых принципов изменения государственного устройства, участники этих встреч интерпретировали достигнутые договоренности в столь противоположном смысле, что продлившийся четыре месяца переговорный процесс завершился без каких-либо серьезных результатов. К тому же лидеры не участвовавших в процессе партий заранее отказали в поддержке договоренностям, достигнутым без них.

В октябре-ноябре 2009 г. США и ЕС выступили с инициативой: вновь провести переговоры лидеров ведущих политических партий на военной базе НАТО в Бутмире близ Сараево на основе проекта 2006 г. с тем, чтобы добиться их согласия на конституционные изменения. Появились и новые идеи о возможном территориально-политическом переустройстве БиГ и переходе к иной структуре – с тремя или четырьмя субъектами. Часть предложенных конституционных поправок касалась отношения БиГ с международными организациями: к исключительной компетенции общегосударственных органов отнесена подача заявки на вступление, возможность передачи международным организациям части своей компетенции, заключение с ними соглашений и принятие на себя

вытекающих из этого правовых и политических обязательств и ответственности. Таким образом, процесс вступления БиГ в ЕС и НАТО, по сути, выводился из под контроля образований. Среди других новелл содержалось и требование инкорпорировать в текст Конституции все те правовые и институциональные преобразования, которые уже были введены в действие Администрацией Высокого представителя, а они составляют более половины всего корпуса актов, связанных с функционированием общегосударственных органов БиГ. Тем самым, этим навязанным извне решениям, не прошедшим нормальной демократической парламентской процедуры, придавалась бы сила конституционной нормы.

Все неоднократно повторенные попытки добиться изменения конституции к сегодняшнему дню завершились провалом из-за принципиальных разногласий как политических лидеров босняков, сербов и хорватов, так и межпартийных противоречий внутри трех национальных общин. Главным камнем преткновения стал вопрос об изменении процедуры голосования в Палате представителей Парламентской ассамблеи БиГ. По крайней мере применительно к части законодательства, связанного с инкорпорацией в боснийское право норм европейского, предлагалось отменить существующий порядок, при котором каждое решение должно получить поддержку определенного процента депутатов от каждого из образований. Не то, чтобы власти РС были в принципе против перенесения европейских норм, но обоснованно подозревали, что в качестве таковых могут появиться какие угодно, в том числе, и явно невыгодные для РС законодательные акты, которые будут приняты в общегосударственном парламенте простым большинством без ее участия и против ее воли. В конечном счете, и в Вашингтоне, и в Брюсселе стало ясно, что ожидать уступчивости от местных политиков до завершения осенних выборов 2010 г., по меньшей мере, было наивно.

Между тем, западные инициаторы конституционных преобразований продолжают свои старания. Так, например, комиссар ЕС по вопросам расширения Союза О. Ренн, выступая 24 июля 2009 г. в Парламентской ассамблее БиГ, заявил: «БиГ не сможет вступить в ЕС с существующей конституцией, и мы даже не сможем предоставить ей статус кандидата на вступление без определенных реформ».⁶ Этой же линии руководящие деятели ЕС продолжают придерживаться и в настоящее время, хотя в условиях экономического кризиса готовность самого Союза к дальнейшему расширению резко снизилась, и реальная перспектива приема в ЕС государств Западных Балкан отодвигается в неопределенное будущее. Показательной в этом смысле стала международная конференция в Сараево 2 июня 2010 г.

Задуманная как широкий и представительный форум глав балканских государств, высоких представителей ЕС, США, России и Турции, конференция фактически стала неформальной

встречей, закончившейся даже без принятия какого-либо документа. Завершилась она лишь заявлением председательствующего - главы МИД Испании. Наиболее часто звучавшим мотивом всех выступлений представителей ЕС были опровержения того, что в ЕС наблюдается "усталость от расширения" и "странами региона овладела апатия" - симптом сам по себе показательный. В конечном счете, конференция свелась к сеансу коллективной психотерапии, цель которой - уверить балканских партнеров ЕС, что его двери остаются открытыми, воздерживаясь при этом от какой-либо конкретизации.

При этом убеждавшие не утруждали себя никакими фактическими доказательствами сохраняющейся приверженности ЕС расширению на Западные Балканы. Хотя поглощенность Брюсселя кризисом в зоне евро столь же очевидна, как и озабоченность экономическим положением "новых", а отчасти и "старых" членов ЕС. Не являются секретом и результаты опросов общественного мнения среди граждан ЕС, особенно в государствах-донорах, не горящих энтузиазмом в связи с дальнейшим увеличением рядов членов Союза, особенно за счет экономически слаборазвитых государств Юго-Восточной Европы, заведомо нуждающихся в помощи.

Само продолжение диалога на эту тему позволяет Брюсселю оказывать серьезное влияние на внутреннее развитие и внешнеполитическую ориентацию этих государств. Поэтому необходимо постоянно поддерживать среди потенциальных кандидатов иллюзию о возможности относительно скорого их приема при выполнении выдвигаемых условий. О том, что "чары" ЕС все же рассеиваются, свидетельствовал едкий комментарий М. Додика: "После встречи на высшем уровне "Западные Балканы - ЕС" в Сараево стало ясно, что страны региона должны выработать новую, более реалистичную политику по отношению к ЕС. Не может сохраняться ситуация, когда балканские страны делают все необходимое в плане европейской интеграции, а ЕС не знает: примет ли нас и когда это случится?"⁷

Вместе с тем пылкая словесная защита самостоятельной сербской государственности в БиГ, которая особенно усиливается у сербских политиков в РС в предвыборные периоды, как, например, перед назначенными на октябрь 2010 г. всеобщими выборами, контрастирует с их реальной политической уступчивостью евроатлантическим домогательствам. Публично отстаивая неизменность "Дейтонского статуса" Республики Сербской, фактически они не только примирились с его поэтапным пересмотром, но и вступили в процесс обсуждения перемен в конституции, хотя их "анти-Дейтонская" направленность не скрывается даже их инициаторами.

Красноречивой иллюстрацией подобной эволюции могут послужить изменения позиции лидеров Республики Сербской в связи с возможностью ее выхода из состава БиГ. Впервые заявления такого рода прозвучали еще в 2006 г. после

предоставления независимости Черногории и в свете приближавшегося отделения Косово. В частности, в августе 2006 г. глава правительства РС и лидер Союза независимых социал-демократов М. Додик (что характерно, незадолго до прошлых всеобщих выборов) заявил: около 90% жителей республики, согласно социологическим опросам, выступают за проведение референдума о выходе из БиГ в случае предоставления независимости Косово; и "сербь твердо намерены заявить, что они имеют те же права, что и другие народы", а РС "способна существовать как в составе БиГ, так и вне ее"⁸.

После провозглашения независимости Косово руководители оппозиционных партий (Сербской демократической и Сербской радикальной) призвали последовать этому примеру. Но М. Додик и возглавляемая им правящая коалиция, явно противореча своей решительной прежней риторике, повели себя гораздо умереннее. Премьер сказал, что независимость Косово - не причина для отделения, и его партия "потребует референдум о независимости, если будет поставлен под вопрос статус (Республики Сербской)".⁹ Ее парламент 21 февраля 2008 г. принял резолюцию, где осуждается и не признается односторонне провозглашенная независимость Косово. Но вопрос о выходе из состава конфедеративного государства Республика Сербская поставит при попытках изменить ее статус и полномочия против ее воли, или же, если власти Б и Г вознамерятся признать независимость Косово.¹⁰ Похоже, парафирование "соглашения о стабилизации и ассоциации" между БиГ и ЕС и предстоявшее его подписание (16 июня 2008 г.) явились довольно эффективными средствами умиротворения Республики Сербской.

Страсти вновь накалились после выступления члена Президиума БиГ и лидера партии "За Боснию и Герцеговину" босняка Х. Силайджича на Генеральной ассамблее ООН, назвавшего РС "продуктом геноцида", и призвавшего "исправить ошибки, сделанные в ходе войны". В ответ Народная Скупщина Республики Сербской 15 октября 2008 г. на чрезвычайной сессии приняла резкую резолюцию, где среди прочего еще раз подтвердила свою прежнюю позицию о праве на отделение.¹¹ После чего и Высокий представитель международного сообщества в БиГ М. Лайчак, и генсек НАТО Я. де Хооп Схефер, и Х.Солана, выразили обеспокоенность развитием ситуации.¹² Но вскоре после завершения местных выборов М. Додик 8 ноября 2008 г. неожиданно для всех подписал с руководителями двух ведущих политических сил босняков-мусульман и хорватов (Партией демократического действия и Хорватским демократическим содружеством) соглашение об урегулировании большинства спорных вопросов, на чем настаивали представители ЕС.¹³

Правда, согласие, достигнутое ими, длилось недолго, но примечателен сам факт неожиданных политических трансформаций. Обмен риторическими выпадами и угрозами оказался всего лишь средством укрепления электоральных позиций и

■ Международные отношения

инструментом взаимного давления элит трех национальных общин на боснийской политической сцене. Это и понятно: без поддержки Белграда, на которую при нынешнем руководстве Сербии боснийским сербам рассчитывать не приходится, отделение Республики Сербской выглядит бессмысленным. Президент Сербии Б. Тадич не раз повторял, что никогда не поддержит референдума об отделении РС, добавив, однако, что Сербия в принципе не может иметь что-либо против референдума в защиту Дейтонского соглашения.¹⁴

И все же в феврале 2010 г. парламент РС принял закон о референдуме и гражданской инициативе, хотя было отвергнуто предложение оппозиции включить в текст закона положение, что по итогам референдума будет решаться вопрос об отношении РС к вступлению в НАТО. Закон вызвал бурную реакцию и среди босняцких политиков, и в западных политических кругах, хотя само его вступление в силу – дело отдаленного будущего. Он еще должен быть утвержден в Вече народов парламента РС, где босняцкие депутаты уже обещали его заблокировать.

В этом случае вопрос поступает на рассмотрение Конституционного суда БиГ, который так же вряд ли будет торопиться. Однако М. Додик поспешил заявить, что “отделение не стоит на повестке дня в РС”, хотя не исключен референдум в поддержку “Дейтонского статуса” РС. Он счел нужным подчеркнуть, что против изменений во внутренней и политической системе БиГ за счет РС даже ради европейского пути или приема в НАТО, хотя и является сторонником ЕС и вступления в альянс.¹⁵ Ни довольно не политкорректные отзывы о конституционных переменах, ЕС и НАТО, ни сам факт принятия закона о референдуме, вовсе не удивительны. С одной стороны, не за горами были осенние выборы 2010 г., с другой – внешнее давление на руководство РС нарастало.

Источник риторической непримиримости сербских политиков легко понять, если обратиться к результатам изучения общественного мнения. Население Республики Сербской проявляет, мягко говоря, довольно умеренный энтузиазм относительно вступления страны в ЕС, а тем более – в НАТО. Опрос, проведенный службой Гэллапа в рамках проекта “Balkan monitor” в 2008 г. дал следующие результаты: 45% опрошенных в Федерации и 77% – в РС мало или вообще не доверяли европейским институтам; 30% в Федерации и 48% – в РС полагали, что европейские граждане не желают присоединения их страны к Евросоюзу.

В БиГ в целом реальное членство в ЕС оценивали позитивно 48%, негативно – 11%, нейтрально – 31%. На вопрос о дате возможного приема страны в ЕС ответ “никогда” дали 16%; после 2020 г. – 10%; в 2016–20 гг. – 20%; не знали ответа – 30%.¹⁶ Из этих результатов авторы исследования сделали вывод, что по уровню “евроскептицизма” и “пессимизма” БиГ могла соперничать лишь с Хорватией. Не лучшим выглядело и отношение к НАТО: в БиГ в целом мало или вообще не доверяли альянсу 55%. Слабым утешением “евроат-

лантистам” может служить то, что правительство вызывало еще большее недоверие – 66%, а политические партии – 74%.¹⁷

Правда, следующий опрос в 2009 г. показал рост позитивных оценок ЕС с 48% до 66% (76% – в Федерации и 48% – в РС). Более того: 82% (88% – в Федерации и 70% – в РС) было бы готово проголосовать за присоединение к ЕС на потенциальном референдуме, хотя и были крайне скептически, как и прежде, относительно близости такой перспективы. При этом, однако, 46% (по сравнению с 60% в 2008 г.) в Федерации и лишь 20% в РС испытывают потребность в сохранении Администрации Высокого представителя, что фактически означало бы продолжение международного протектората и несовместимо со вступлением в ЕС.¹⁸ Характерно, что среди различных национальных групп БиГ институты ЕС и НАТО вызывают разное отношение: доверие к ЕС испытывают 53% босняков, 54% – хорватов и 38% – сербов, доверие к НАТО – 52% босняков, 57% – хорватов и 31% – сербов. Наибольшее доверие среди всех трех групп вызывают религиозные организации (69%, 72% и 68%) и полиция (67%, 58% и 58% соответственно), которые в БиГ являются национальными институтами в узком смысле слова.

Гораздо меньшего доверия заслуживает у соотечественников правительство (28%, 18% и 31% соответственно), а менее всего ценятся политические партии, что, впрочем, является едва ли не общебалканским феноменом. С 2006 по 2009 гг. доля граждан Б и Г, убежденных в том, что существуют политические партии или политические деятели точно выражающие их политические взгляды, снизилась среди босняков с 24 до 11%, среди хорватов – с 24 до 18%, и лишь среди сербов – выросла с 21 до 29%. Любопытно, что за этот же период с 61 до 68% выросла доля граждан, считающих необходимым развитие более тесных связей со странами соседями – наивысший показатель в регионе. Что касается опасений возможного нового вооруженного конфликта в ближайшие пять лет, то в регионе в целом таковые заметны лишь среди македонцев (хотя они и снизились с 43 до 31% в 2009 г.), сербов в Сербии и Косово (где зафиксирован рост с 16 до 26%), и у хорватов в Б и Г (рост с 9 до 22%).¹⁹

Вместе с тем по данным, не включенным в основную публикацию результатов исследования 2009 г., 35% – в Федерации и 43% – в РС увидели в независимости Косово прецедент, рисующий будущее БиГ. Кроме того, враждебное отношение к НАТО выразили не только 38% – в РС, но и 13% – в Федерации.²⁰

Не только электоральная ставка на подобные настроения и междоусобное “соревнование в патриотизме”, особенно накануне выборов, побуждают сербских политиков демонстрировать рвение в отстаивании прав своей республики. Ее автономное существование является условием сохранения самостоятельной роли этой элиты на боснийской политической сцене, ее властных и материальных интересов. Более сложно отве-

тять на другой вопрос: почему лидеры Республики Сербской, несмотря на довольно жесткое словесное сопротивление давлению, преследующему цель сузить ее полномочия и централизовать власть в стране, все же уступают, в конечном счете, невыгодным домогательствам и упорно продолжают придерживаться курса на евроатлантическую интеграцию?

Первый приходящий на ум и очевидный аргумент – сказывается экономическая зависимость от финансовых средств и других материальных форм благосклонности ЕС. Так, к 2007 г. на долю ЕС приходилось 63% импорта БиГ и 73% ее экспорта. ЕС являлся и источником более половины прямых иностранных инвестиций в страну.²¹ Вероятно, срабатывает и характерный для элиты всех балканских государств страх оказаться в стороне от общего движения и остаться в регионе в изоляции. Свою роль играет и боязнь санкций Высокого представителя, сопротивляться которым РС не способна. Нельзя исключать и индивидуальных меркантильных и статусных соображений отдельных политиков, связанных с их участием в евроатлантической активности. Нужно учитывать и своеобразное соревнование в лояльности и готовности к сотрудничеству с Брюсселем между сербскими, босняцкими и хорватскими политическими силами, вынуждающее боснийских сербов демонстрировать ложность утверждений их политических противников о том, что Республика Сербская как таковая является тормозом на пути в ЕС или НАТО.

Скажем, постоянное подчеркивание М. Додиком того, что лично он, даже вне зависимости от позиции своей партии – за вступление в НАТО, имеет очевидный политический расчет. Тем самым он пытается поправить сложившуюся в последнее время в глазах западных политиков репутацию сепаратиста, развеять их убежденность, что возлагавшиеся на него надежды оказались обманутыми. Подобные заявления можно расценивать и как своего рода сигнал, что только он способен добиться согласия РС на вступление в Североатлантический альянс, если тот, в свою очередь, гарантирует ее существование и властные прерогативы. Это вряд ли входит в планы руководителей НАТО, да и вообще сомнительно полагаться на такие гарантии, но обозначенное виртуальное предложение такого обмена призвано представить М. Додика политиком, без которого нельзя обойтись.

Основным же, пожалуй, фактором, определяющим политическую линию Бани Луки, следует назвать неблагоприятное внешнеполитическое положение Республики Сербской. Нелюбимый пасынок западных покровителей БиГ может эффективно отстаивать свои права лишь при внешней поддержке Сербии и России. Между тем, именно отношения с Сербией складывались у РС далеко не идилично, хотя именно помощь Белграда обеспечила успехи боснийских сербов в первой фазе гражданской войны и само становление Республики Сербской. Однако разногласия

между С. Милошевичем и тогдашними лидерами РС относительно достижимых конечных целей войны и внешнеполитической стратегии привели к тому, что сначала СРЮ под мощным международным давлением в 1994 г. закрыла границу с РС.

Затем, при активном участии и под нажимом С. Милошевича, руководителей РС вынудили согласиться с Дейтонским мирным договором. И впоследствии белградский режим старался активно влиять на внутривнутриполитическую жизнь РС, поддерживая своих ставленников и добиваясь смещения “строптивцев”. Все это осложнило отношения между РС и СРЮ, создав парадоксальную ситуацию, при которой даже самые рьяные поборники великосербской идеи перестали видеть в белградском режиме своего верного союзника. Неудивительно поэтому, что в период косовского кризиса и агрессии НАТО против СРЮ власти РС без заметного сопротивления повиновались распоряжению западных покровителей БиГ о прекращении товарооборота с Югославией, хотя это и было тяжелым ударом для собственной экономики.

После падения режима С. Милошевича попытки выстроить отношения с новыми властями в Белграде также были не слишком удачными для политических сил РС, поскольку делали их заложниками развернувшейся в лагере победивших “демократов” внутривнутриполитической борьбы. Да и особой увлеченности боснийским сюжетом при избранном курсе на сближение с ЕС и НАТО среди них не наблюдалось. К тому же властям Сербии, поглощенным борьбой за сохранение государственного содружества с Черногорией, а затем – суверенитета над Косово, казались очень несвоевременными всякие разговоры о самоопределении и референдуме в РС, которые как бы создавали ненужный прецедент, придавая легитимность сепаратистским устремлениям в Черногории и Косово.

В действительности подобная ситуация, рассуждая абстрактно, представляла Сербии возможность действий и прямо противоположной направленности, создавая условия для активной и более выгодной политической игры. Поддержав стремление боснийских сербов к самоопределению, она продемонстрировала бы западным покровителям черногорского и косовского сепаратизма, что за реализацию этих проектов им придется уплатить неприемлемо высокую цену, в которую входит дестабилизация и возможный распад БиГ, потенциальный раздел Косово, что почти автоматически влекло за собой и нарушение стабильности в Македонии. При таком подходе независимость Черногории и Косово становились прецедентами, благоприятными для Сербии и легитимизировали как намерения боснийских сербов воссоединиться с родиной, так и встречное движение с ее стороны. Все эти соображения можно было бы посчитать досужими домыслами постороннего, если бы и в Республике Сербской не размышляли сходным образом. Вот, например, как видел желательное развитие событий уже

■ Международные отношения

упоминавшийся С. Дурманович: “Роль Белграда в стабилизации ситуации в БиГ в последние пять лет дает Сербии право не только энергично выступить в защиту политико-территориального существования РС, но постоянно экспонировать международному сообществу все то, что ее представители не хотели или не сумели сделать в Косово и Метохии, но сделали в Боснии, при активной помощи или молчаливом согласии Белграда. Энергичным подчеркиванием такой параллели, чего пока не было по причинам необъяснимым и вызывающим удивление, официальный Белград усилит свои позиции и в БиГ, и по отношению к Косово и Метохии, одновременно подсовывая под нос международному сообществу двойные, а нередко и прямо противоположные его стандарты в подходе к стабилизации ситуации в БиГ и в Косово и Метохии... Следовательно, не только возможно, но и желательно синхронизованное политическое выступление сербских политических элит с обеих берегов Дрины в ходе “параллельных” переговоров (о конституции БиГ и о Косово и Метохии)”.²² Более того, в Бая Луке находятся аналитики, которые готовы жертвовать интересами РС ради безнадёжной и ненужной борьбы за “мифологическое” Косово вообще считают крупным геополитическим просчетом, пагубным для самой Сербии.²³

Сам характер уверений, с которыми Б. Тадич стал выступать в рамках процесса “нормализации” отношений с БиГ, что Сербия никоим образом не нарушит ее стабильность, не посягнет на ее целостность и границы, и не будет вмешиваться в ее внутренние дела, красноречиво свидетельствует об одном. В Белграде четко осознавали, какого именно образа действий Сербии особенно опасались в Сараево, Брюсселе и Вашингтоне, и, следовательно, находили их вполне вероятными. Между тем, для успеха такой сложной шахматной партии необходимы были, по меньшей мере, общенациональный консенсус всех сербских политических сил о внешнеполитических приоритетах, твердая политическая воля в Белграде и готовность надолго отложить мечты о приеме в ЕС. Однако ни одной из этих необходимых предпосылок не оказалось в наличии.

В последнее время отношения РС с Сербией еще более осложнились. Сначала Скупщина Сербии приняла резолюцию (31 марта 2010 г.), осуждающую известное преступление, совершенное во время войны Армией Республики Сербской под началом Р. Младича в Сребренице. Хотя и власти РС давно признали и осудили это преступление, сам факт принятия документа, в котором осуждался лишь один эпизод войны, и игнорировались аналогичные преступления, совершенные в ходе военных действий против боснийских сербов, был воспринят резко негативно в их среде, как и многими в самой Сербии. Затем президент Сербии Б. Тадич при посредничестве Турции 24 апреля 2010 г. подписал с Председателем Президиума БиГ Х. Силайджичем в Стамбуле Декларацию об отношениях Сербии и БиГ,²⁴ что

вызвало в Бая Луке понятное раздражение по многим причинам.

Сам этот шаг был предпринят без ведома и согласия властей РС. В качестве посредницы была избрана Турция, которая последовательно занимает пристрастно пробосняцкую позицию. Наконец, как крайне неуместный был воспринят и выбор собеседником и партнером Х. Силайджича, неизменно и открыто выступающего за ликвидацию РС, и заслужившего репутацию твердого голового националиста даже в западных политических кругах. Стамбульская встреча позволила ему приумножить накануне выборов порядком растрченный политический капитал. К тому же он не имел полномочий на подписание документа, поскольку не получил на это предварительного согласия двух других членов Президиума. Поэтому его сербский член Н. Радманович поспешил объявить Декларацию нелегитимной и не имеющей силы. Характерно, что все подписавшие Декларацию, символизирующую новое начало в отношениях трех стран, проявили странную застенчивость: этот документ нельзя найти ни на интернет-странице Президента Сербии, ни – Президиума БиГ, ни – министерств иностранных дел двух стран.

По сути же главной причиной нескрываемого недовольства властей РС стал подлинный смысл этого акта: Белград тем самым признал единство и территориальную целостность БиГ безоговорочно, без какого-либо упоминания составляющих ее образований, и РС в том числе, и выказал готовность развивать отношения с Сараево напрямую, без посредничества и участия Бая Луки. Тем самым власти РС лишались решающего козыря в их внутривнутриполитических маневрах – угрозы референдумом о самоопределении как крайнем средстве самозащиты и безусловной поддержки Сербии. На пресс-конференции по итогам Стамбульской встречи Б. Тадич подчеркнул, что Сербия не делает ни единого шага по дестабилизации БиГ и не поставит под вопрос ее единство и границы. Сербия поддерживает БиГ на пути в ЕС и поздравляет ее с получением Плана действий по вступлению в НАТО. Сербия не вмешивается во внутренние дела соседней дружеской страны и поддерживает БиГ во всех легитимных решениях представителей всех трех народов.²⁵

Опасения боснийских сербов в связи со Стамбульской декларацией хорошо сформулировал С. Дурманович: “...Не послужит ли этот клочок бумаги прологом к созданию атмосферы мягкого давления на руководство РС в процессе “приведения в порядок” БиГ, когда за эту “недоделанную работу” более рьяно возьмутся ЕС и США. Турция, как союзник босняков, и Сербия, как защитник РС, должны посодействовать Брюсселю и Вашингтону сделать из БиГ “функциональное” государство.”²⁶ Подобные страхи были тем более основательными, поскольку и многие прежние заявления представителей официального Белграда звучали достаточно двусмысленно. Например, выступая 16 окт. 2009 г. в Белграде перед предста-

вителями ведущих политических партий РС, Б. Тадич сказал, что Сербия не будет вмешиваться в идущие БиГ под покровительством США и ЕС переговоры о конституционных реформах.²⁷ Ранее, принимая в мае 2009 г. тогдашнего Председателя Президиума БиГ Н. Радмановича, он заявил, что существование РС “не может ставиться под вопрос” и никто не должен ждать, что Сербия предложит Республике Сербской отказаться от гарантированных ею Дейтонским соглашением прав и прерогатив. Вместе с тем он подтвердил, что Белград готов признать любое соглашение о политических реформах в БиГ, принятое консенсусом трех титульных народов, что могло восприниматься как самоустранение Сербии от участия в этом процессе и довольно безразличное отношение к его результату. Он также добавил, что интересам всех политических факторов в БиГ отвечало бы членство в ЕС и НАТО, а Сербия поддерживает и ту, и другую цели.²⁸ Вряд ли в Бая Луке ожидали именно такой “поддержки”.

Неудивительно, что оба эти события, которые боснийским сербам символически напомнили “предательство Милошевича”, вызвали серию заявлений и интервью М. Додика, где он признал наличие разногласий с руководством Сербии, и откровенно высказался, что “Силайджич и Турция вводят в заблуждение Тадича и Сербию”.²⁹ Учитывая общественный резонанс, который получила вся эта история, президент Сербии постарался сгладить негативный эффект. 8 июня 2010 г. он вместе с премьером Сербии прибыл в Бая Луку на заседание Совета сотрудничества, созданного на основе Договора об установлении специальных параллельных связей Сербии и РС (от 26 сент. 2006 г.). По итогам встречи он заявил, что Сербия, как гарант Дейтонского договора, продолжит последовательно поддерживать целостность БиГ, но и существование РС. Никакое навязывание решений в БиГ для Сербии неприемлемо, но все изменения политического характера допустимы, если исходят из договора трех народов и двух образований.³⁰

Все сказанное и недосказанное в этой связи в переводе с дипломатического лексикона на язык реальной политики означало следующее: происходящее в БиГ по крайней мере не является для Сербии приоритетом; она не собирается жертвовать ради “братьев за Дриной” ничем серьезным, а уж тем более своими европейскими надеждами; подозрения, что Белграду был дан брюссельско-вашингтонский заказ “вразумить” боснийских сербов, вовсе не обосновательны. В этом свете видимо не случайно 14 июня 2010 г. главы МИД членов ЕС на встрече в Люксембурге приняли решение дать зеленый свет началу процесса ратификации Соглашения о стабилизации и ассоциации с Сербией, от чего они воздерживались более двух лет.

Вся история отношений РС с Сербией показывала, что исходное стремление боснийских сербов к воссоединению с родиной, при отсутствии должной поддержки с ее стороны, всякий

раз оказывалось нереализуемым. Россия, как член Руководящего комитета Совета по выполнению мирного соглашения, поддерживает Республику Сербскую в отстаивании ее прав, в частности, в усилиях по прекращению миссии Высокого представителя в БиГ. Руководство РС давно добивается этого, надеясь тем самым избавиться от постоянной угрозы прямых административных санкций и расширить поле политического маневра. Так, на встрече главы российского МИД С. Лаврова с М. Додиком 3 марта 2010 г. в Москве была “отмечена обоюдная приверженность суверенитету и территориальной целостности этой страны, необходимость строгого соблюдения Дейтона. Особо подчеркнута актуальность скорейшего осуществления давно намеченной ... задачи трансформации Аппарата Высокого представителя в Миссию Спецпредставителя ЕС на основе выполнения известных условий и критериев”.³¹ Но проявлять большее рвение, чем Сербия, в защите Республики Сербской, у России не было резона, да и сама такая задача из-за “сербско-сербских” разногласий представлялась заведомо убыточной.

В итоге не обнаруживалось никакой действенной альтернативы курсу на отстаивание самого существования Республики Сербской в заданных извне рамках государственности БиГ при мощном западном давлении. Такой курс в таких условиях мог осуществляться только посредством постоянного лавирования, первоначального обозначения готовности сопротивляться и последующего проявления способности договариваться, поиска тактических попутчиков в других национальных общинах, уступок и компромиссов. Жесткая политическая риторика, призвана продемонстрировать заведомо завышенную запросную позицию и заодно способствовать укреплению своего положения в собственной национальной общине. Затем она сменяется попытками найти общий язык и какое-то компромиссное решение с политическими оппонентами (если применять не слишком подходящую к боснийской политической сцене терминологию), а точнее – с какими-то политическими силами во враждебной национальной общине. Дух компромисса вообще не слишком характерен для балканской политической культуры, а после минувшей гражданской войны тем более достигается с трудом. Но вынужденное сожительство и постоянное понукание извне, сопровождаемое “кнутом и пряником”, делает его неизбежным. Таков, можно сказать, алгоритм боснийской политической жизни. Поэтому, примут ли БиГ в ЕС, что вряд ли произойдет скоро, или, что вероятнее и быстрее, “заташат” в НАТО, ее в любом случае еще можно вообразить государством, подобным Бельгии, со столь же сложным способом существования и равно непредсказуемой судьбой. Однако попытка сделать из нее централизованное государство на манер Франции способна лишь вызвать рост межнациональной конфликтности, которая уже будет лишена возможности институционального выражения и разрешения. Вряд ли стоит все

■ Международные отношения

поминает опасность возобновления гражданской войны – жители бывшей Югославии, похоже, уже навоевались. Но у страны, народы которой не отмечают сообща ни одного праздника, и без того довольно шаткие основания. И сделать жизнеспособным государство с не находящим выхода и легитимного разрешения огромным потенциалом межнациональных противоречий, невозможно. Кто не верит – пусть полистает учебники по конфликтологии!

Kandell P. Bosnia and Herzegovina. EU and NATO

Summary: *The article deals with chances and prospects of Bosnia and Herzegovina's entry into the EU and NATO in the context of internal political confrontation in the country and a deep divide between its major ethnic groups. Weakening of Belgrade's support of the Republica Srpska induces its leaders to resort to permanent manoeuvres and forced compromises. However, western attempts to impose upon B and H a centralized structure might lead only to the growth of tension. This country can still be imagined by as a state similar to Belgium, but it cannot be reorganized along the France model.*

Ключевые слова

Босния и Герцеговина, НАТО, Республика Сербская, ЕС.

Keywords

Bosnia and Herzegovina, NATO, Republica Srpska, EU

Примечания

1. BiH i EU. Ministarstvo spoljnih poslova BiH [Electronic resource]. URL: http://www.mfa.ba/vanjska_politika_bih/multilateralni_odnosi/evropska_unija/bih_i_eu/?id=73
2. Opšti pravci i prioriteti za provođenje vanjske politike Bosne i Hercegovine. Ministarstvo spoljnih poslova BiH [Electronic resource]. URL: http://www.mfa.ba/vanjska_politika_bih/osnovni_pravci_spoljne_politike_bih/?id=2
3. Декларација о стратешким одређењима Републике Српској у систему одбране БиГ [Electronic resource] URL: http://www.narodnaskupstina.rs/cir/ostalaakta/ostaliakt.php?id_akta=7
4. Durmanović S. Od "države u začetku" do borbe za goli opstanak entiteta [Electronic resource]/Нова српска политичка мисао. Београд. 2005. 18 дец. URL: http://www.nspm.org.rs/komentari%202005/2005_durmanovic1.htm
5. Ustavni amandmani od LXVI – XCI na Ustav Republike Srpske [Electronic resource]. URL: http://www.vladars.net/cr/zakoni/amandmani_f.html
6. Rehn O. Towards a European Era for Bosnia and Herzegovina: the way ahead. Speech/09/349. [Electronic resource]. URL: <http://europa.eu/geninfo/query/resultation.jsp?Page=2>
7. Додик М. Србима треба нова политика према ЕУ [Electronic resource]/Нова српска политичка мисао. Београд. 2010. 7 јун. URL: <http://www.nspm.rs/sudbina-dejtonske-bih-i-republica-srpska/milorad-dodik-srbima-treba-nova-politika-prema-eu.html>
8. Заявление премьера боснийских сербов // Вестник Европы. 2006. 3 августа
9. Dodik kaže da nezavisnost Kosova nije razlog za secesiju RS [Electronic resource]/SETimes.com. The news and views of Southeast Europe. URL: http://www.balkanimes.com/cocoon/setimes/print/sr_Latn/features/setimes/features/2008/02/21/feature-01
10. Резолуција о непризнавању једнострано проглашене независности Косово и Метохије и одређењима Републике Српској [Electronic resource]. URL: http://www.narodnaskupstina.rs/cir/ostalaakta/ostaliakt.php?id_akta=20
11. Резолуција о циљевима и мјерама политике Републике Српској [Electronic resource]. URL: http://www.narodnaskupstina.rs/cir/ostalaakta/ostaliakt.php?id_akta=22
12. NATO i EU zabrinuti zbog sve vecih tenzija u BiH [Electronic resource]/ SETimes.com. The news and views of Southeast Europe. URL: http://www.setimes.com/cocoon/setimes/print/sr_Latn/features/setimes/features/2008/10/28/feature-01
13. Šikanić T. Dogovor za EU [Electronic resource]/Nezavisne novine. 2008. 9 nov. URL: <http://www.nezavisne.com/dogadjaji/vijesti/32012/Dogovor-za-EU.html>
14. Šwarm F. O kriminalu, regionu i standardu (Intervju B.Tadić) [Electronic resource]/Vreme.N999.2010. 25 feb. URL: <http://www.vreme.com/cms/view.php?id=915589>
15. Secesija nije na dnevnom redu u Republici Srpskoj [Electronic resource]/Нова српска политичка мисао. Београд. 2010. 17 феб. URL: <http://www.nspm.rs/sudbina-dejtonske-bih-i-republica-srpska/secesija-nije-na-dnevnom-redu-u-republici-srpskoj.html>
16. Gallup Balkan Monitor. Insights and Perceptions: Voices of the Balkans. 2008. Summary of Findings. P. 8, 15-16. [Electronic resource]. URL: http://www.balkan-monitor.eu/files/BalkanMonitor_2008_Summary_of_Findings.pdf
17. Ibid. P. 19.
18. Gallup Balkan Monitor. Insights and Perceptions: Voices of the Balkans. 2009. Summary of Findings. P. 12-13. [Electronic resource]. URL: http://www.balkan-monitor.eu/files/BalkanMonitor_2009_Summary_of_Findings.pdf
19. Ibid. P.26,28,36-38
20. Fourteen years on from Dayton, the signs are not all good [Electronic resource]. URL: <http://www.balkan-monitor.eu>
21. Bosnia and Herzegovina. European Forum for Democracy and Solidarity [Electronic resource]. URL: http://www.europeanforum.net/country/bosnia_herzegovina
22. Durmanović S. Od "države u začetku" do borbe za goli opstanak entiteta, s.7
23. Подробнее см.: Савановић А. Косово и Република Српска – митолошки југ и стварни запад [Electronic resource]/Нова српска политичка мисао. Београд. 2010. 15 мај. URL: <http://www.nspm.rs/sudbina-dejtonske-bih-i-republica-srpska/mitoloski-jug-i-stvarni-zapad.html>
24. Tekst Istanbulske deklaracije [Electronic resource]. URL: <http://www.vijesti.ba/politika/10088-Tekst-Istanbulske-deklaracije.html?>
25. Председник Тадић: Нови почетак у односима три земље [Electronic resource]. URL: <http://www.predsednik.rs/mwc/default.asp?c=304500&g=20100424155347&1ng=cir&hs1=0>
26. Дурмановић С. Које треба "Истанбулска декларација"? [Electronic resource]/Нова српска политичка мисао. Београд. 2010. 10 мај. URL: <http://www.nspm.rs/sudbina-dejtonske-bih-i-republica-srpska/koje-treba-istanbulska-deklaracija-q.html>
27. Tadić kaže da se Srbija neće mešati u razgovore u BiH [Electronic resource]/SETimes.com. The news and views of Southeast Europe. URL: http://www.setimes.com/cocoon/setimes/html/sr_Latn/features/setimes/newsbriefs/2009/10/18/r
28. Проблемы отношений между Сараево и Белградом // Вестник Европы. 2009.26 мая
29. Додик М. Силајџић и Турска доводе у заблуду Тадића и Србију [Electronic resource]/Danas.rs. 2010. 23 мај. URL: http://www.danas.rs/danasrs/politika/silajdzic_i_turska_dovode_u_zabludu_tadica_i_srbiju_56.html?news_id=190978
30. Председник Тадић: Србија доследан гарант Дејтонског споразума [Electronic resource]. URL: <http://www.predsednik.rs/mwc/default.asp?c=304500&g=20100608154437&1ng=cir&hs1=0>
31. О беседе Министра иностраних дел Русије С.В.Лаврова с Председателем Правительства Республики Сербской (Босния и Герцеговина) М.Додиком [Электронный ресурс] URL: <http://www.mid.ru/nsreuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/432569d80022027ec3257db005eaff?OpenDocument>